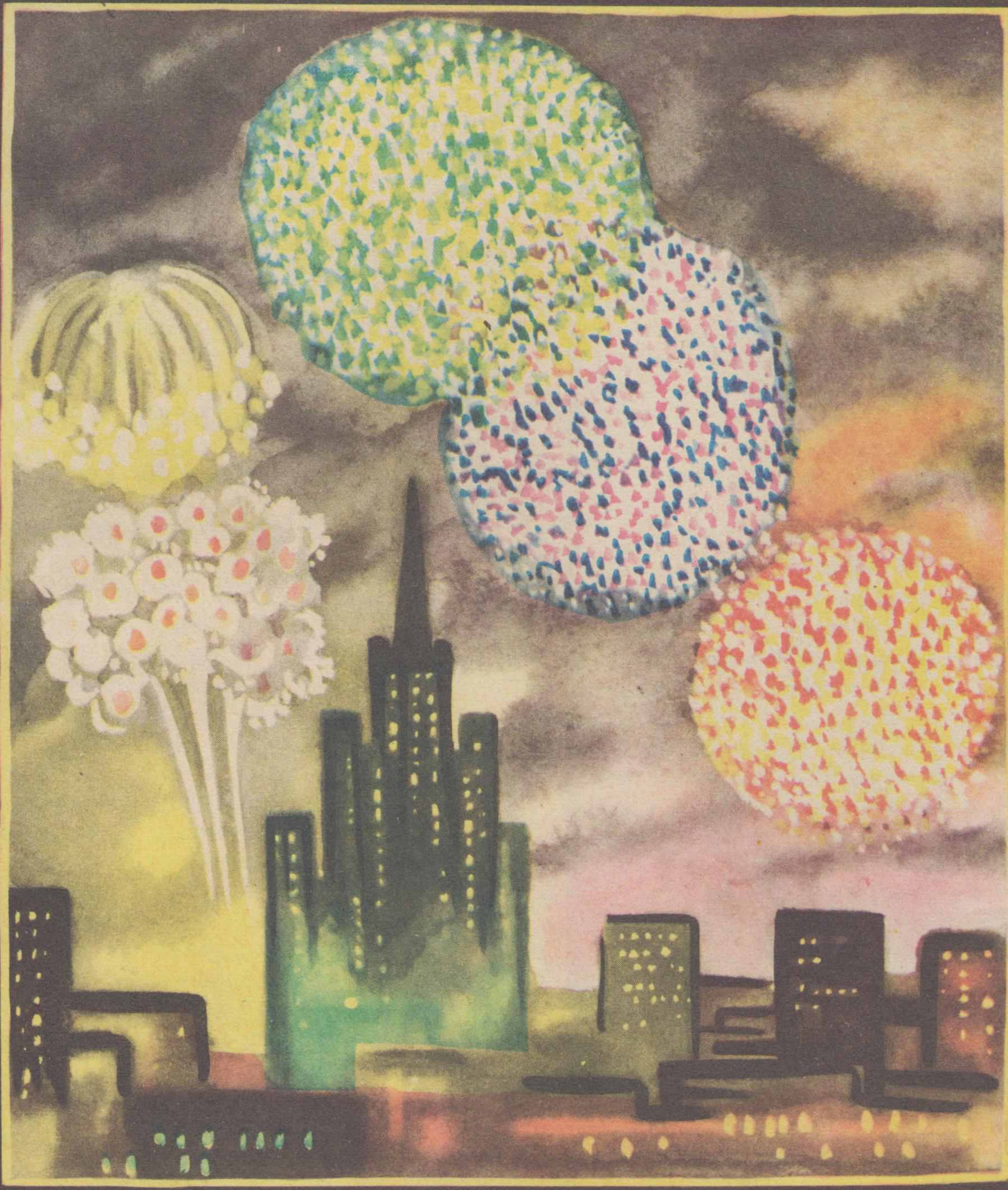

МУЗЫКА

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

АВГУСТ № 8

1973

Летом 1943 года недалеко от города Курска шло ожесточённое сражение советских войск с фашистами. Оно закончилось блестящей победой наших воинов. Они не только Курск защитили, но освободили от врага много крупных городов: Орёл, Белгород, Харьков... В честь этой победы — 5 и 23 августа — в Москве прогремели первые салюты. После поражения под Курском немецко-фашистские войска ни разу не наступали, под ударами советских войск они откатывались в Германию.

Курская битва была тяжёлой. Фашисты понимали: если они не победят, то скоро будет им конец, и придётся держать ответ за все злодеяния. Наши воины — пехотинцы, артиллеристы, танкисты, лётчики, разведчики — проявили много мужества, отваги, чтобы разбить врага. За Курскую битву ордена и медали получили сто тысяч бойцов, офицеров и генералов — вот сколько подвигов было тогда совершено!

Особо отличились лётчики. В небе над Курском сражались Иван Никитич Кожедуб и Алексей Петрович Маресьев. Эти имена известны всему миру. Сражался там и капитан Георгий Тимофеевич Береговой. Он летал на штурмовике, командовал эскадрильей.

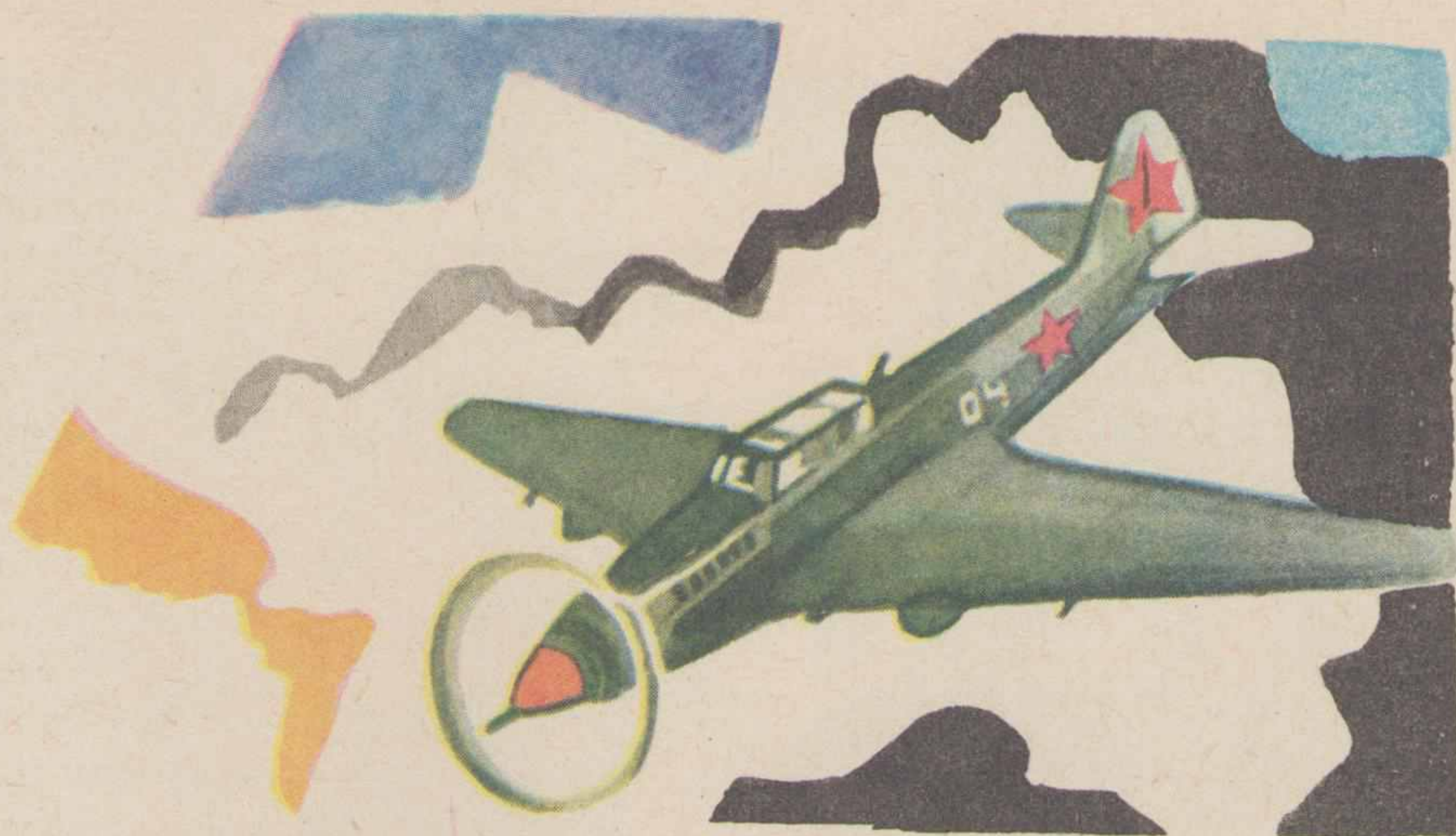
Ты, читатель, знаешь, что второй раз звание Героя Советского Союза Г. Т. Береговой получил за полёт в космос. А первый раз этого звания он был удостоен за подвиги, совершённые в Великой Отечественной войне. Здесь напечатаны его воспоминания о боях под Курском, в которых он принимал участие.

Рис. К. ЮРЬЕВА

*Г. БЕРЕГОВОЙ,
дважды Герой
Советского Союза,
генерал-майор авиации*

В НЕБЕ НАД КУРСКОМ

В небе, пропитанном гарью и дымом, было тесно. Оно буквально кишело нашей и вражеской авиацией. Повсюду завязывались короткие воздушные бои. То тут, то там стремительно проносились вниз охваченные пламенем самолёты. Схватки протекали коротко и жёстко: дрались на встречных курсах, на крутых виражах, шли на таран. И всё же наши штурмовики, прижимаясь к земле, ныряя в нижние пласты дыма, продолжали делать своё дело, бомбардируя и обстреливая вражескую оборону.

Может быть, я бы и избежал в тот раз пулемётной трассы, если бы не камуфляж наших, новых на том участке фронта, скоростных истребителей «Лавочкиных». Их в целях обмана противника раскрасили тогда, как немецкие «фокке-вульфы». Не знаю, оправдалась ли в целом эта необычная маскировка, но мне она тогда сослужила плохую службу.

Расстреляв в последнем пике оставшиеся снаряды и решив возвращаться на аэродром, я вынырнул из прикрывающей пелены и стал набирать необходимую для ориентировки высоту. Сообразив, где передовая, и ложась на нужный мне курс, мельком огляделся: с обеих сторон блеснули на солнце два пёстро раскрашенных фюзеляжа. «Лавочкины!» — мысленно отметил я. —

Прикрытие. Повезло — доведут до линии фронта». Вдруг на какую-то долю секунды меня кольнуло ощущение опасности, и тут же машину резко трянуло. Пулемётная очередь одного из «фоккеров», которых я принял за истребители прикрытия, прошла фюзеляж моего штурмовика. Машина сразу загорелась. Отвернув резким манёвром от второго «фоккера», я стал уходить в сторону линии фронта.

«Только бы дотянуть до своих, перевалить передовую...»

Но дотянуть было трудно. Машина разгоралась быстро и споро, словно её сбрызнули бензином. Я попытался увеличить скорость. Машина теперь шла на пределе, но огонь торопился завершить своё дело. Кабину заволочло густым, едким дымом. Сзади, стиснув зубы, стонал стрелок-радист Пётр Ананьев: у него обуглились сапоги, вот-вот мог вспыхнуть ранец парашюта. Нужно было, пока не поздно, прыгать.

Приземлились мы на рытвинах, в нескольких шагах друг от друга. По обе стороны от нас били, не смолкая, пулемёты. «Угодили на нейтральную полосу, — подумал я, освобождаясь от лямок парашюта. — Всё лучше, чем к фрицам в окопы!»

— Каких-то секунд не хватило, а то приземлились бы у своих, — сказал, вскакивая в своих обугленных сапогах,

Ананьев. Вгорячах он позабыл о боли.

— Ложись, — сказал я ему, заметив взметнувшиеся за кустарником комья глины. — Не доби́ли в воздухе, хотят добить на земле.

И в самом деле, со стороны немцев часто заухали миномёты. Разрывы ложились всё ближе и ближе, но мы уже заползли в глубокую рывину.

Загрохотали в ответ миномёты и с нашей стороны.

— Странно! — подумал вслух я. — После такой капитальной подготовки с воздуха пора бы уже фронту перейти в наступление...

— Так мы же пересекли передовую южнее участка прорыва, — откликнулся Ананьев. — Вам, верно, не видать было, у вас весь фонарь дымом заволкло. А я успел разглядеть. Километров пятнадцать южнее будет.

Огонь с нашей стороны усилился, и я увидел, как из-за укрытия вылетел «виллис». Прыгая на ухабах и виляя из стороны в сторону, чтобы не накрыли фашистские миномётчики, вёрткая машина на полном газу мчалась к нам.

— Вот молодец! — восхищённо воскликнул Ананьев. — Ну прямо как шило...

Вскоре «виллис», обдав нас комьями земли, развернулся на полном ходу рядом с нашим убежищем. Из машины выскочил здоровенный старшина-танкист, моментально, будто ребёнка, втащил на заднее сиденье Ананьева, помог перевалиться туда же и мне. Плюхнулся за баранку и, дав газ, понёсся назад.

Оказавшись среди своих, я узнал сразу две важные для себя вещи. Фронт на всём сорокакилометровом участке прорыва перешёл в наступление; фашисты, бросая технику, артиллерийские и зенитные батареи, неудержимо откатывались на запад. Назвали мне и фамилию нашего отчаянного спасителя. Это был гвардии старшина Фёдор Рыцин.

Н. МЕРЕЖНИКОВ **НА ВОЗУ**

Я еду. Еду на возу!
И далеко земля внизу.
Внизу трава, внизу кусты,
Едва их видно с высоты.
Но вдруг на луг упала тень —
Померкнул сразу светлый день.
По небу туча шла степенно,

Как будто вдоль речных излук.
Там тоже кто-то ехал с сеном
И с высоты глядел на луг.
А вот и конь заржал сердито...
Я знаю: гром — и жди грозу!
И всё ж смотрю: а не сидит ли,
Как я, там кто-то на возу?

Рис. В. СТЕРЛИГОВА

ВОРОНЫ

Е. КУЗЬМИНА

Во дворе вдоль забора росли высокие, с пушистыми макушками деревья. Они закрывали нам балкон и кухню густой тенью. Летом это очень было хо-

рошо, так как солнце в Ташкенте жаркое, как раскалённая сковорода.

Верхушки деревьев были покрыты большими, растрёпанными вороньими гнёздами. Издали казалось, что к каждой ветке привязан старый веник. Это был целый город ворон. Их было столько, что, когда они поднимались в воздух все вместе, казалось, что большая чёрная крыша закрывала двор и сад.

Вороны были крикливые и целый день так шумели, что часто мы не слышали друг друга, когда разговаривали. Приходилось всем кричать. Мама говорила:

— Хорошо, что люди ко всему привыкают, а то можно было бы сойти с ума.

Однажды, когда вороны особенно раскричались, папа выстрелил из свое-

го охотничьего ружья холостым патроном в воздух. Вороны с криком разлетелись.

Сразу стало так тихо, что зазвенело в ушах. Стало казаться, что мы все очень громко разговариваем, и все стали говорить друг другу: «Перестаньте кричать».

Ворон долго не было. Потом прилетела самая большая. Наверное, самая старая и самая умная. Она села на верхушку дерева и стала поглядывать к нам на балкон.

Папа к тому времени почистил ружьё и отнёс его в комнату. Ворона увидела, что ружья больше нет, начала каркать изо всех сил. Сразу на её крик со всех сторон стали слетаться птицы. Тогда папа опять вынес ружьё, и ворон опять сдуло как ветром.

С тех пор каждый раз, как только вороны уж очень шумели, кто-нибудь выносил ружьё, даже не заряженное. Галдёж прекращался, и вороны исчезали.

Все удивлялись уму этих птиц. Особенно после того, как однажды, когда не было взрослых, я сама вынесла ружьё, — вороны не обратили на меня внимания и продолжали шуметь. Они понимали, что я ещё маленькая и не смогу выстрелить.

К нам часто приходил в гости знакомый доктор. Он знал маму ещё девочкой. Мы к нему привыкли и очень любили его и слушались. Однажды доктор спросил, какой у меня аппетит. Мама сказала:

— Я не знаю. За столом Лёля не ест, зато целый день ходит с хлебом в руке. Сколько мы с ней ни ссоримся, ничего не помогает. А если отнимать у неё хлеб, то боюсь, что она просто останется голодной...

— Я бы посоветовал, — сказал доктор, — в любую погоду кормить её на воздухе. Я думаю, это принесёт ей аппетит и не даст развиваться малокровию.

Мама всегда слушалась доктора. И вот меня начали кормить на балконе, несмотря на то, что была уже осень и было холодно.

На меня надевали длинную папину куртку, у которой заворачивали рукава. Голову укутывали платком, ноги заматывали одеялом.

А чтобы я не упала, меня полотенцем привязывали к спинке стула. Ставили передо мной тарелку с нелюбимой ка-

шей и клали большой ломоть хлеба. Мама предупреждала меня:

— Будешь так сидеть и час и два, пока не съешь! — и уходила в дом.

В первый день, как только меня оставили одну с этой противной кашей, мне всё время хотелось плакать, так было грустно.

Потом, жуя кусок хлеба, я обратила внимание на ворон. Они вдруг замолчали и, склонив набок головы, одним глазом уставились на меня.

Я съедала хлеб, а кашу не трогала. Мама очень огорчалась. Доктор её успокаивал, что скоро всё будет в порядке.

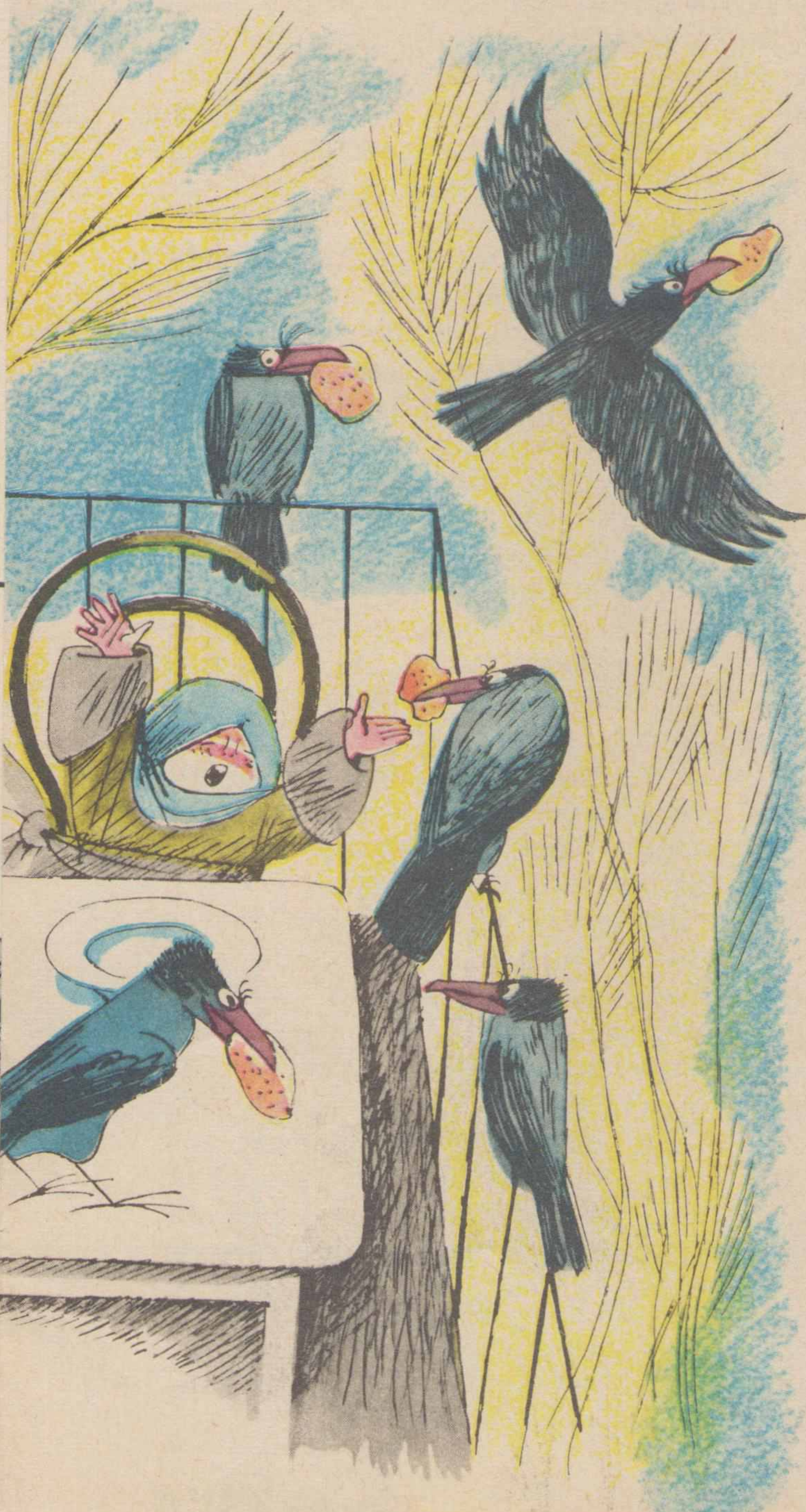
Несколько дней подряд меня оставляли с кашей, а я всё равно её не ела. Никого со мной не было, только одни вороны следили за мной.

Вороны следили-следили, и, когда однажды мама ушла в комнаты, одна ворона слетела с дерева и села на край стола. Она постучала носом по доске, посмотрела на меня. Потом попрыгала немного и опять взглянула мне в лицо.

Остальные вороны сидели на своих ветках и так пристально следили за нами, что шеи у них стали в два раза длиннее. А первая ворона всё прыгала по краю стола и уже посматривала не на меня, а на тарелку.

Я сказала «цып-цып» и подвинула ей кашу. Она отлетела на перила. Посидела там. Потом опять перелетела на стол. Перестала смотреть в мою сторону, а стала делать вид, что у неё свои дела на столе. Прыгала, прыгала, а потом как ударит носом по тарелке! Ударила, отскочила и посмотрела на меня. Я ничего ей не сказала. Тогда она прыгнула к тарелке и стала долбить кашу своим носом.

Тут все вороны слетелись на балкон. Заняли весь стол, все перила, даже прыгали по полу. Отталкивали друг друга, кричали, дрались. Все старались пробраться к тарелке. Они её так дол-

били, что я со страхом ждала, когда тарелка разобьётся.

Но ничего. Всё обошлось, и от каши ничего не осталось. Тарелка стала совсем чистая. Но они вырвали у меня булку, которую я сама собиралась съесть.

Я осталась совсем голодной и целый день таскала из буфета хлеб. Так происходило каждый день, и мама радовалась, что у меня наконец появился аппетит.

Доктор сказал:

— Это от воздуха. Надо продолжать в том же духе.

Он меня выслушал и нашёл, что окрепла, а при таком режиме буду крепнуть дальше. Папа удивился:

— Как вы представляете себе четырёхлетнего ребёнка?

Доктор нарисовал руками круг, и все рассмеялись. Лечение продолжалось.

Скоро я начала ссориться с воронами. Они отнимали у меня всё, что мне давали. Но ведь мне самой тоже надо было есть то, что люблю. А когда я старалась стукнуть их ложкой, они отскакивали и грубо на меня кричали. Через несколько дней наша дружба кончилась. И вороны сами виноваты в этом.

Мама напекла оладьев. Они были розовые, пухлые и аппетитные. Когда мама стала одевать меня к «столу», я начала хныкать, что у меня где-то болит; что я больная и что мне лучше сегодня поест в комнате. Мама потрогала мой лоб, сказала, что я выдумываю, и отправила меня на балкон.

Когда меня привязывали к стулу, вороны уже сидели наготове.

Я попросила маму посидеть со мной, а то мне скучно. Мама засмеялась, сказала, что ей не грозит истощение, и ушла.

Не успела я всунуть в рот оладушек, как все мои подруги были уже на столе. Я стала махать руками, бить их по

голове. Ничего не помогало. В одну минуту не осталось ни одного оладушка. Я от обиды заревела «дудкой», схватила одну ворону за крыло и стала бить её рукой. Она отбивалась. Мы подняли такой шум, что прибежала испуганная мама. Увидев мою ссору с вороной, отняла у меня эту жадную птицу и залилась смехом. Я очень не любила, когда мама поднимала меня на смех. Я стала кричать:

— Они противные! И нечего смеяться! Они всегда съедают мои каши. А сегодня они съели мои оладушки... А я люблю оладушки...

Мама перестала смеяться:

— Ах вот оно что?! Теперь я понимаю, откуда у ребёнка аппетит и куда девались каши!

С тех пор я никогда больше не ела на балконе. Привычка таскать хлеб и жевать его на улице у меня осталась. Но после истории с воронами, как только я появлялась с куском, с деревьев слетали несколько птиц и вырывали у меня всё из рук. Да ещё ногами больно задевали пальцы. Я стала бояться жевать на улице, и вороны перестали обращать на меня внимание.

Папа смеялся:

— Всё-таки от ворон есть польза! Научили Лёльку гулять без кусков. Нянь бы одну из них ей в няньки.

Рис. В. ЧИЖИКОВА

СТИХИ

О ГЕРОЯХ-

КОМСОМОЛЬЦАХ

Давно окончилась война. Отстроены разрушенные города и сёла, и ничто не напоминает о грозных днях. Но мы никогда не забудем тех, кто отстоял нашу свободу и независимость.

13 сентября исполняется 30 лет со дня присвоения звания Героя Советского Союза Олегу Кошевому, Ульяне Громовой, Любви Шевцовой и другим руководителям подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия». Посмертно стали Героями Советского Союза литовская комсомолка Марите Мельникайте (1944 г.) и Александр Матросов (1943 г.). Они были совсем ещё молоды, вся жизнь их была впереди, но они отдали её за то, чтобы мы жили на мирной земле.

Грустные ивы

А. ЖАРОВ

Грустные ивы склонились к пруду,
Месяц плывёт над водой.
Там, у границы, стоял на посту
Ночью боец молодой.

В грозную ночь он не спал, не дремал —
Землю родную стерёг.
В чаще лесной он шаги услышал
И с автоматом залёг...

Чёрные тени в тумане росли.
Туча на небе темна.
Первый снаряд разорвался вдали.
Так началась война.

Трудно держаться бойцу одному,
Трудно атаку отбить.
Вот и пришлось на рассвете ему
Голову честно сложить...

Грустные ивы стоят у пруда,
Месяц глядит с вышины.
Сонному берегу шепчет вода
Имя героя страны.

Вместе с победой спокойные дни
В эти вернулись края...
Ночью на тихой заставе огни
Вновь зажигают друзья.

Поединок

С. ШИПАЧЁВ

Из камня высекут — и на века
Останется с гранатою рука.

Танк всё сминает на своём пути,
Но встал боец — и танку не пройти.

Рванулось пламя красное под ним,
Танк зарычал, оделся в чёрный дым.

А в пыльной каске русский паренёк
Стёр пот со лба: ну и горяч денёк!

А. ПРОКОФЬЕВ

Не все дороги пройдены,
Исхожены пути,
Товарищ, лучше Родины
На свете не найти!

Знамёна с вечной Правдою
Нам Родина дала.
Товарищ, будем храбрыми,
Чтоб Родина жила!

Рис. И. СПАСКОГО

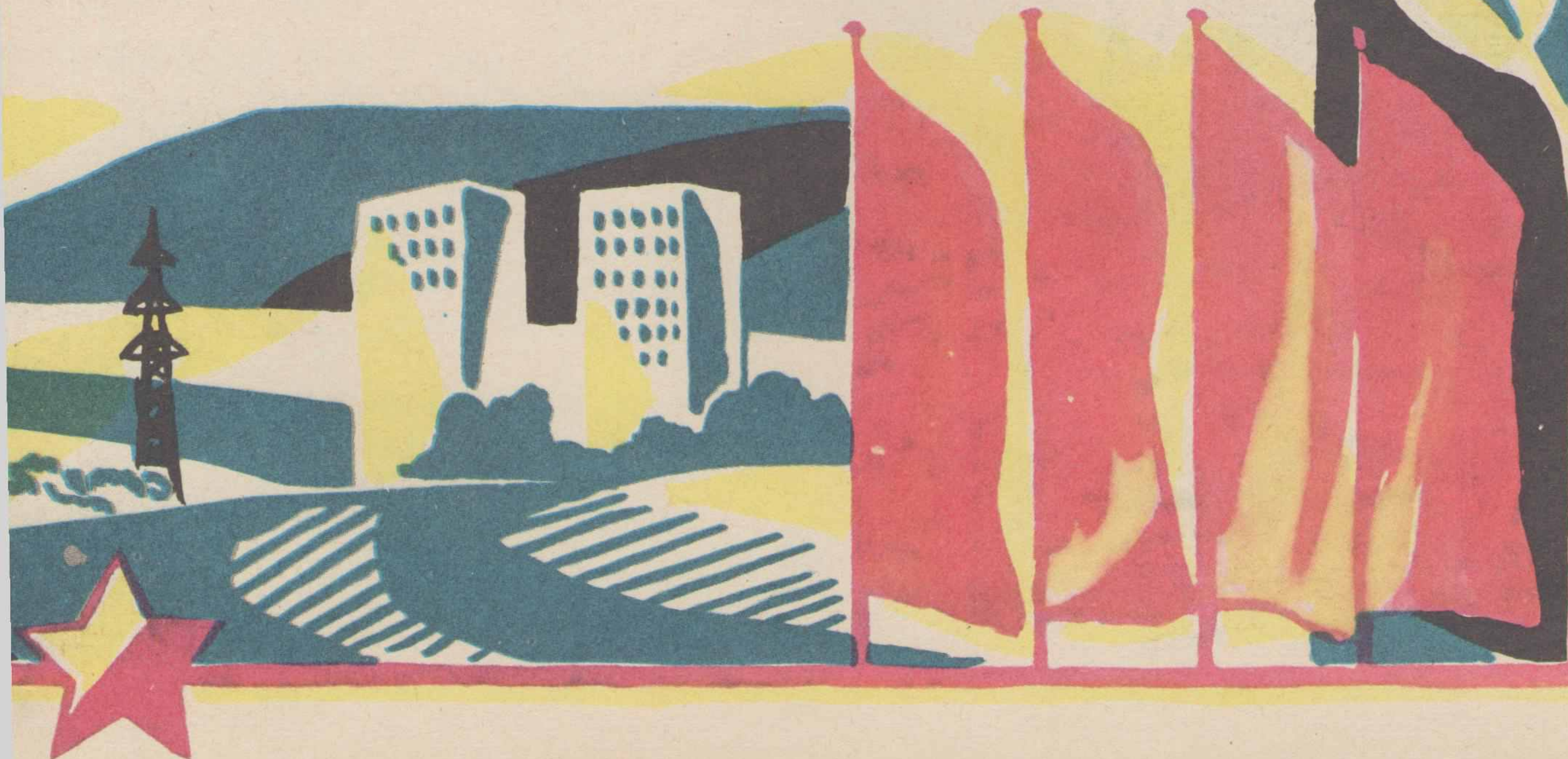
Слушайте, товарищи...

М. ИСАКОВСКИЙ

Слушайте, товарищи!
Наши дни кончаются,
Мы закрыты, заперты
С четырёх сторон...
Слушайте, товарищи!
Говорит, прощается
«Молодая гвардия»,
Город Краснодон.

Всё, что нам положено, —
Пройдено, исхожено.
Мало их осталось,
Считанных минут.
Скоро нас, измученных,
Связанных и скрученных,
На расправу лютую
Скоро поведут.

Знаем мы, товарищи, —
Нас никто не вызволит,
Знаем, что насильники
Довершат своё,
Но, когда б вернулася
Юность наша сызнова,
Мы бы вновь за Родину
Отдали её.

П И С Ь М О

Павел КАТАЕВ

Рис. В. ЛОСИНА

Я уже проснулся, но всё ещё нежил-ся в постели, когда мама крикнула с улицы:

— Вставай, бездельник, к тебе гости!

Кто бы это мог быть? Наверное, Сашка, мой лучший товарищ. Каждый день мы встречаемся с ним с утра пораньше. Бывает, я первый к нему прихожу, бывает, он. Я не ошибся, это был Сашка, да не один, а со своим папой. Вид у моего товарища был торжественный — выглаженная майка, волосы причёсаны на пробор и блестят. Лишь только я вышел на крыльцо, Сашка крикнул:

— Придёшь ко мне? Начало в пять. Не пожалеешь!

— У него день рождения, — объяснил Сашин папа, здороваясь со мной за руку, как со взрослым. — Милости просим в гости.

Они ещё не скрылись за углом пятнистой от солнца зелёной дачной улицы, а я уже начал томиться. Подумать только: в пять часов вечера, а сейчас лишь девять утра — и ждать целую вечность!

За завтраком мама спросила:

— Что ты подаришь Саше?

— Как что? Пойду в магазин и куплю подарок.

Но мама грустно и сочувственно покачала головой.

— Воскресенье, магазин закрыт.

Этого я не ожидал! И ведь знал же про день рождения, да забыл! А как пойти на день рождения без подарка?

— Не огорчайся, — сказала мама. — Завтра мы с тобой купим ему хорошую игрушку.

— Так то завтра, а нужно сегодня...

— Да, не очень-то хорошо идти на день рождения к лучшему товарищу с пустыми руками, — согласилась мама. — Но, пожалуй, я знаю выход: напиши Саше письмо.

— Письмо?

— Да. Поздравь с днём рождения и напиши, что подарок принесёшь завтра. Верно?

Конечно же, верно! Именно письмо! Не откладывая дела в долгий ящик, я принялся за работу.

Мои пальцы отвыкли от ручки, плохо слушались, не гнулись, были словно чужие.

Иногда перо втыкалось в страницу и разрывало её. Иногда на белую бумагу падала клякса, так что в глазах у меня

темнело, словно чёрная туча закрывала солнце. Иногда на кончике пера оказывалось бумажное волокно, и все буквы с кружочками, большими и маленькими, — О, Р, В, Ю и так далее — закрашивались чернилами.

Я комкал очередной испорченный листок, и всё начиналось сначала. Однако в конце концов письмо было закончено.

Готовое письмо лежало на столе и ждало своего часа. Время от времени я брал конверт, вынимал из него сложенный вчетверо листок и любовался своей работой — красивые буквы, белая гладкая бумага, конверт с маркой. В письме говорилось о завтрашнем подарке, но оно само по себе было лучше всякого подарка!

— Оставь письмо в покое, — предупреждала меня мама. — Ты его захватаешь потными пальцами или, чего доброго, потеряешь!

«Захватать, может, и захватаю, — думал я. — Но уж ни за что не потеряю!»

Сашина мама выглянула из кухни:

— Что, уже пять часов?

— Почти, — сказал я. — Четыре!

— Всё равно заходи, Саша тебя заждался!

Когда вместо подарка я вручил Сашке конверт, он даже рассердился:

— Что это?

— Прочтёшь — узнаешь! — гордо ответил я.

И вот мы все уселись вокруг стола, накрытого в саду под старой липой.

Перед каждым из нас стояла тарелка со всякими вкусными вещами. Что говорить, день рождения — это день рождения!

Я гордо сидел на табуретке и забыть не мог своё письмо. Разве сравнишь с ним хоть один из подарков, принесён-

ных сегодня Сашке на день рождения? Конечно же, нет!

Мне было даже обидно, что Сашка отнёс его куда-то и забыл. А ещё лучший товарищ! Хоть бы показал своим маме или папе!

Из лесу потянуло холодом, солнце опустилось, Сашина мама зажгла в кухне свет, чтобы видеть посуду, которую она мыла в тазу. Пора было отправляться восвояси.

И вот, когда я уже подошёл к калитке, меня окликнул Сашин папа, размахивая чем-то белым. Так это же моё письмо! Наконец-то вспомнили!

— Скажи-ка, что это должно означать?

Я насторожился, тревожное предчувствие шевельнулось в душе.

— Письмо Сашке, — сказал я и добавил: — А подарок завтра будет!

— Странно, — проговорил Сашин папа, перевернул конверт и потряс им над головой. — Письма-то никакого нет! Пустой конверт!

Как же так? Где же оно? Ведь я же так долго писал его! Ведь оно получилось таким красивым!

Вбежав в свою комнату, я увидел в свете догорающего дня на полу сложенный вчетверо знакомый лист бумаги. Да, это было письмо. Развернув его, я прочёл:

«Дорогой Саша! Поздравляю тебя с днём рождения. Я пришёл без подарка, потому что сегодня воскресенье. Но завтра...»

На следующий день мы с мамой купили в магазине грузовик-самосвал. Сашке очень понравился подарок, но мне было грустно смотреть на заводную игрушку, буксующую в песке: такой скучной, неинтересной она мне показалась. А злополучное письмо, некогда такое красивое, теперь же совершенно ненужное, ещё долго попадалось мне под руки, но я никак не решался бросить его в мусорное ведро.

А. КУЗЬМИН

ЗАПОВЕДЬ

Мне пропел однажды
Тополь:

— Друг мой,
Стройным будь, как я. —

Прошептала тишь:

— Спокойным,

Друг мой,

Будь таким, как я. —

И, склонившись

Надо мною,

Мама

В утреннюю рань

Мне сказала

Тихо-тихо:

— Человеком стань...

Рис. М. РЕБИНДЕР

Поклоны

А. ТУМБАСОВ

Лес приветливо распахивает колюче-зелёные объятия и впускает меня. Осматриваюсь. В тени и полумраке вижу оранжевый пятёчок. Это волнушка. Нашёл одну, она выказала вторую и третью.

Выбрался из ельника — наткнулся на сыроежку. Их я тоже не бракую: пусть слабенькая синявочка, а всё грибнику прибавочка.

Сколько найдёшь грибов, столько и поклонов отвесишь. Хорошему грибу поклон; червивому поклон, иначе его не распознаешь; поганке поклон, если не отличишь её от съедобного; листочку какому-нибудь тоже поклон, коль обманешься и примешь его за шляпку гриба. Земляничинке и костянике тоже поклон. Всему земному низкий поклон!

Вороний глаз

В лесу встречается растение, на прямом стебле которого одна тёмно-сизая ягода. Она очень похожа на глаз вороны.

Растение так и называется — вороний глаз.

Да сколько бы ни смотрел вороний глаз на тебя, не тронь его — ягода ядовитая. И всё растение ядовитое!

Пеньки-кадушки

Однажды в сухое лето старую вырубку опалило огнём. Испепелилась трава, обожгло молодые деревца, и долго таяли пеньки, пока вовсе не выгорели изнутри. С виду пень, а середина пустая.

Долго стояли чёрные пни, будто просмолённые кадушки. А весной на вырубке пошли густые травы и из пеньков взметнулись розовые султаны душистого кипрея. Это благородный сеянец гарей и осиротелых вырубок.

Так мудрая природа приспособила чёрные пеньки-кадушки под цветы.

МОСКВА. ТЕАТР КУКОЛ. Ребята! Рассмотрите на страницах 16—17 рассказ в картинках о Государственном Центральном театре кукол.

Над сценой — здание театра с необыкновенными сказочными часами. Там, в двенадцати домиках, живут Михаил Топтыгин, Серый Волк, Лисичка-сестричка, Коза-дереза, Кот в сапогах, Зайка... А на самом верху часов — Золотой петушок. Он просыпается раньше всех,

кукарекает и будит остальных. Подробнее часы нарисованы справа от сцены. По другую сторону сцены — дерево с золотыми листочками, а на нём золочёные клетки с певчими птицами. Стоит это дерево в зимнем саду, за музеем. А в музее собраны куклы из многих стран мира.

Если вы неторопливо разглядывали рисунок, то вам покажется, что вы побывали в театре.

атр кукол.

Литография
Ник. ПОПОВА

Мексиканская
народная
кукла

Старинный
костюм
кукольника

из музея
кукол

ОХОТНИКИ ЗА КРОКОДИЛАМИ

В детстве я много читал про охотников за крокодилами.

В Бразилии крокодилов ловят сетью. Охотники окружают животное в воде, захватывают его неводом и волокут на сушу.

В Африке на крокодилов ставят петли. Находят тропу, по которой ходит через болото крокодил, вбивают колышки, привязывают к ним ловушки из веревок. Стоит крокодилу попасть в петлю хотя бы одной ногой — и песня его спета.

А во Флориде жил и такой охотник. Он ловил крокодилов с вертолётá. Заметит в болотной жиже зверя, прикажет пилоту снизиться и, когда до воды остаётся метра три, прыг крокодилу на спину. Дальше — кто проворнее, кто раньше успеет: или человек сжать крокодилу челюсти, или крокодил цапнуть человека...

Когда я собирался лететь на Кубу, я даже придумал вопрос, который задам первому же такому охотнику:

— Правда ли, что ваша работа самая опасная в мире?

...И вот я на Кубе, в крокодильем заповеднике.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

На берегу небольшого озера, окружённого со всех сторон проволочной сеткой, лежали, как брёвна, сотни крокодилов.

— Смотри, сколько их! — сказал я. Мы были вдвоём с приятелем. — Кишат как головастики.

— Не лезь к самой сетке, — ответил приятель. — А то ещё упадёшь.

Загородка была низкая, мне по пояс. Местами сетка прохудилась. Через ог-

В
ГОСТЯХ
У
КРО-
КО-
ДИЛОВ

Рисунки
Э. БЕНЬЯМИНСОНА
и
Б. КЫШТЫМОВА

раду вели лесенки: лесенка с нашей стороны, лесенка со стороны крокодилов. Перебраться по ней сообразительному животному — пустяки.

Только мы подошли к сетке, как из воды вылез крокодил средних размеров. Он трусцой подбежал к загородке, остановился, посмотрел на нас и щёлкнул челюстями.

По спине у меня побежали мурашки. Ужасная тварь стояла за тонкой проволочной сеткой и страшно поскрипывала зубами.

— А ведь такой запросто может утащить человека, — сказал приятель.

— Наверно.

Клыки у крокодила были жёлтые, каждый величиной с хороший гвоздь.

НЕ ТЕ КРОКОДИЛЫ

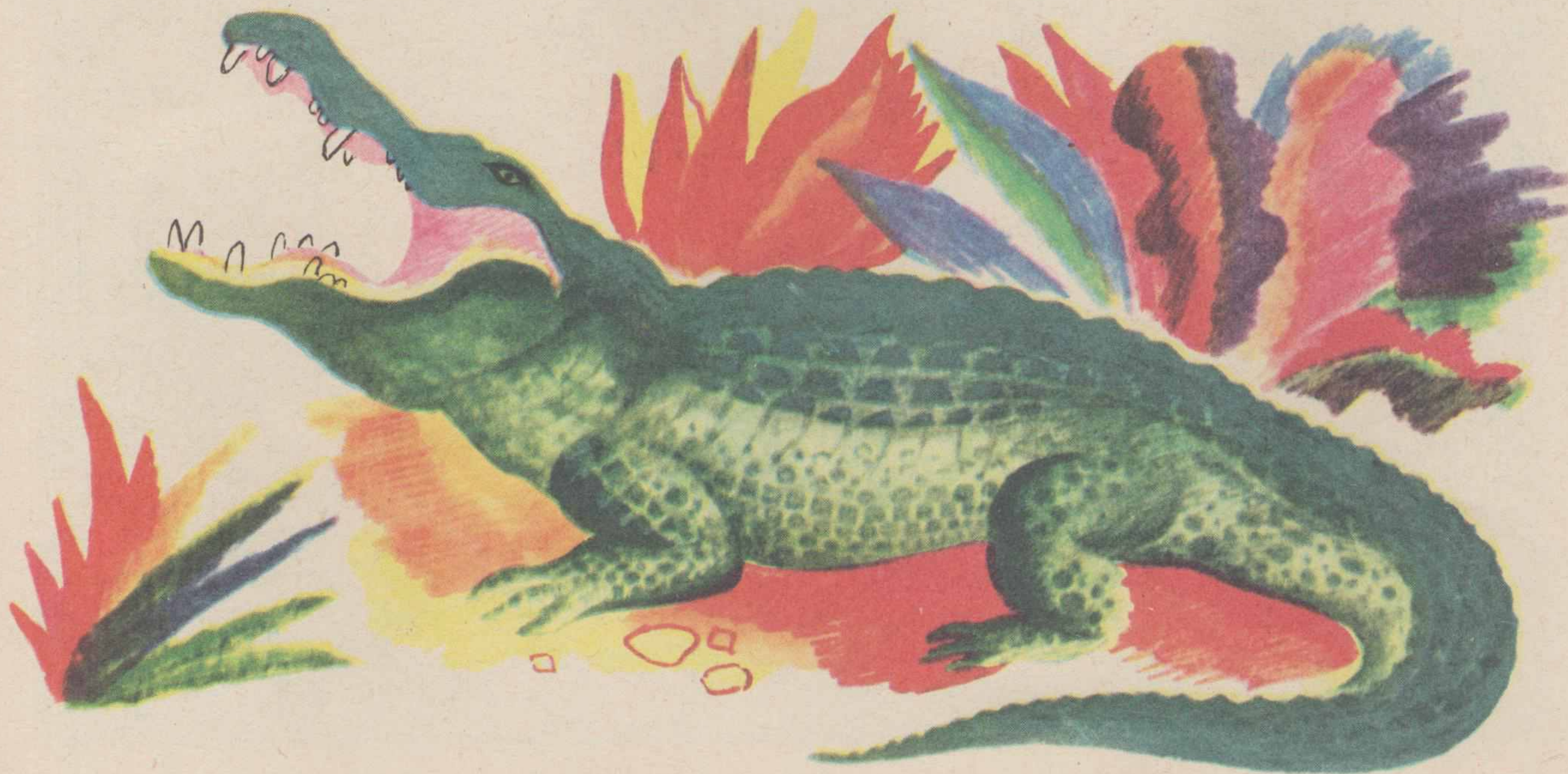
В заповеднике мы прожили трое суток. Каждый день мы бродили от озера к озеру, от загородки к загородке, часами просиживали у воды, пытаясь подсмотреть и понять жизнь этих необычных существ.

Крокодилы оказались совсем не та-

кими, как те, которых мы видим в наших зоопарках.

Наши крокодилы сонные. Они сутками лежат без движения, прикрыв глаза и расставив лапы. Электрические лампочки льют на них скудные струйки тепла.

Эти крокодилы были прогреты тропическим солнцем, подвижны и предприимчивы. Полежав на берегу, они вскакивали и отправлялись на поиски добычи. Или плавали. Или гонялись друг за дружкой. Бежит большой крокодил за маленьким, а маленький оборачивается и огрызается, как собака.

И ещё они оказались очень шумным народом. Животные поменьше кричали, побольше — лаяли. А однажды из воды вылез огромный, похожий на подводную лодку крокодил. Он вылез на сушу, поднял морду и заревел, как бык.

РАЗНЫЕ ХАРАКТЕРЫ

У крокодилов оказались совершенно разные характеры.

Были лежебоки. Эти проводили время на низком, покрытом болотной

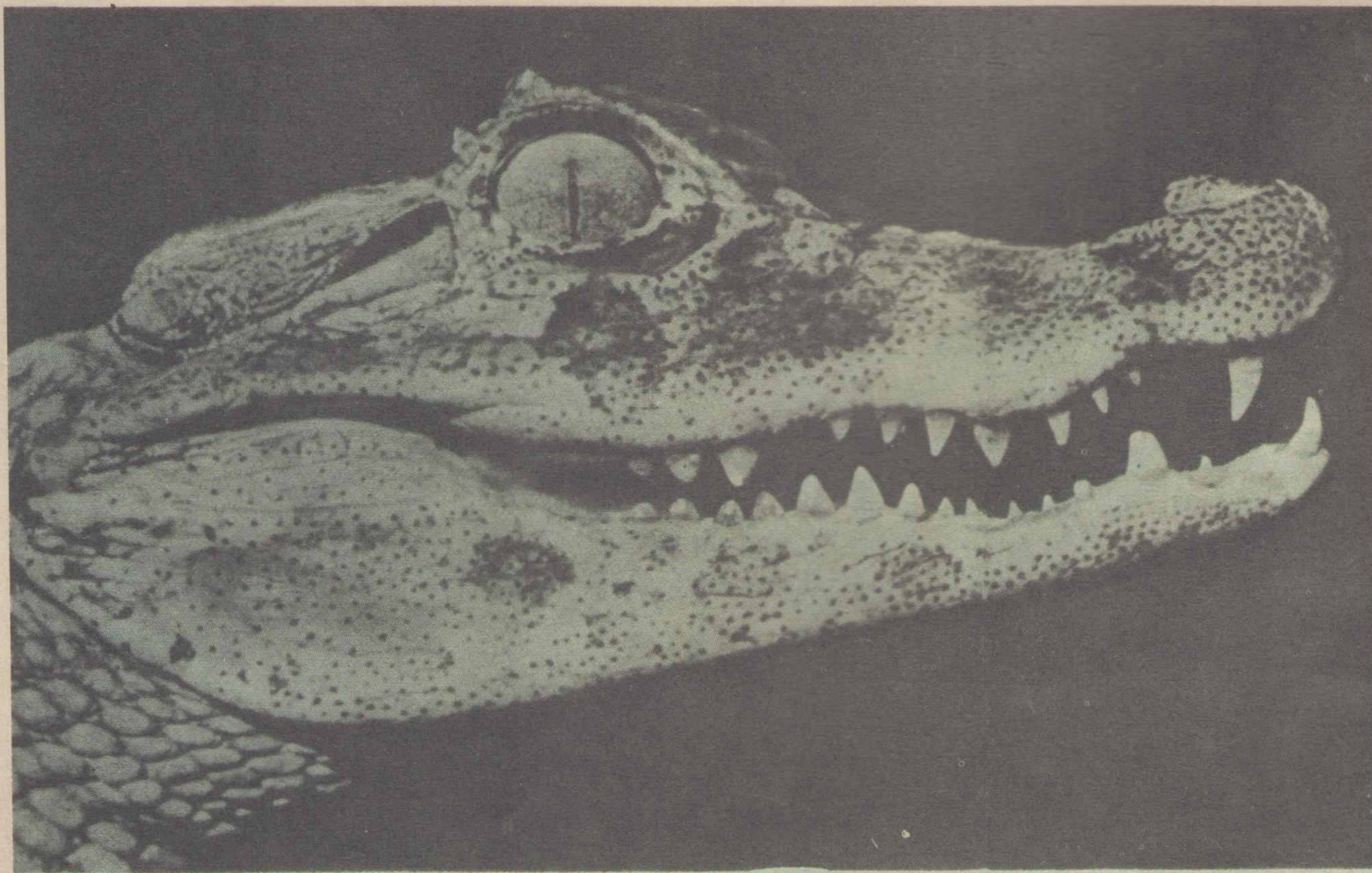
грязью берегу, греясь на солнце. Когда становилось жарко неумоготу, они открывали огромные пасти и шумно, как лошади, дышали.

Были очень деятельные, всегда готовые к любым похождениям существа. Эти носились взад-вперёд среди лежащих, как колоды, собратьев, разыскивали обглоданные до белизны кости, а стоило на другом конце озера плеснуть рыбе или проквакать лягушке, тотчас отправлялись в плавание за добычей.

Среди них были настоящие забияки.

Лежит по грудь в воде большое, сильное животное. В пасти здоровенная кость с обрывком коричневого мяса. Крокодил её грызёт. Погрызёт, подбросит вверх — крак! — поймал на лету и снова грызёт.

Вдруг откуда ни возьмись второй, поменьше. Он долго лежал в стороне и наблюдал, как уплетает добычу здоро-

вяк. Наблюдал, наблюдал и решился. Подкрался, высунул из воды голову, уставился на кость.

Лежат крокодилы морда к морде, смотрят друг на друга. Большой, вероятно, думает: «Ну куда ты такой лезешь? Ты же меньше. Захочу, хвостом как плетью перешибу!» А маленький своё: «Как бы у тебя эту кость стибрить?»

Выбрал момент, рванулся вперёд... и полетели во все стороны грязь, вода, куски тины! Хрипят, ворчат, тянут кость каждый к себе. Большому бы отпустить её да тяпнуть обидчика зубами — кость жалко! Меньшему бы тоже отпустить да убраться восвояси, пока не попало, — характер не позволяет.

Пока дрались, сползли с мелководья на глубокое место. Поплыли. Кость то у одного, то у другого. Рвут её каждый к себе. До берега доплыли, вылезли, улеглись в грязь. Опять морда к морде, один за один конец кость держит, второй за другой. До того устали — лежат бок о бок, похрюкивают, грызут. Тот, что больше, видно, смирился: кость большая — на двоих хватит. А забияка доволен — силачу не уступил!

СКРЮЧЕННЫЙ КРОКОДИЛ

Около лесенки, что вела внутрь загороди, всё время лежал согнутый, как буква С, крокодил. Как видно, у него болела спина, и ему было трудно двигаться. В воду он сходил редко и там плавал, тоже не разгибаясь.

Мы долго не понимали: что он всё жмётся к лесенке?

Однажды, когда этот крокодил был в воде, привезли еду. Её привезли на телеге с дутыми резиновыми шинами. Лошадь, запряжённая в телегу, равнодушно посматривала на крокодилов и на ходу щипала траву.

Стоило ей показаться вдалеке, среди крокодилов произошло движение. Даже самые сонные и вялые насторожились. Все повернулись мордами к забору. Вот шины зашуршали по траве — поток крокодилов хлынул к забору.

Еда — тухлое мясо с костями — была упакована в слабо сбитые ящики. Возница взял первый, отодрал крышку и, поднявшись на лесенку, вывалил содержимое через забор. Внизу всё смешалось — крокодилы урчали, кричали, вырывали друг у друга куски. Самые ловкие, схватив кость, вылетали из кучи и, отбежав в сторонку, начинали там терзать добычу.

Возница открывал ящик за ящиком и швырял мясо в разные стороны.

Я заметил больного крокодила — он выбрался из воды и, с трудом волоча свое согнутое тело, спешил к месту кормёжки. Заметив его, возница швырнул кость. Она упала, не долетев шага два. Быстрый молодой крокодил схватил её и рысью побежал прочь.

Опустошив ящики, возница взобрал-

ся на телегу, тронул вожжи, и повозка бесшумно покатила.

Я понял, почему так упорно держался около лестницы скрюченный крокодил. И ещё я подумал: «Может быть, тот крокодил, что бросился к нам в самый первый день, вовсе не собирался тащить меня в воду, а решил, что я пришёл его кормить? И вообще, — подумал я, — может, крокодилы вовсе уж не такие страшные?»

ОХОТНИК ЭРНАНДО

Так я размышлял, сидя у лесенки, а ко мне, разбрызгивая лужи, уже бежал приятель.

— Иди скорее, — кричал он, — я такого человека встретил, такого... Не пожалеешь!

Мы вернулись к домикам, где жили сотрудники заповедника. Около одного стоял молодой смуглолицый парень в сапогах и соломенной шляпе. Из-за голенища у него торчал здоровенный нож.

— Знакомься: Эрнандо, охотник за крокодилами! — сказал мой приятель.

— Спроси его, — выпалил я (приятель знал испанский язык), — правда, что его работа самая опасная в мире?

Мой спутник перевёл. Эрнандо стоял, широко расставив ноги, вертел в пальцах шнурок от ножа и что-то смущённо бормотал.

— Не понимает вопроса, — объяснил приятель. — Он говорит, что самая опасная в мире работа у врачей. Его брат работал во время войны в заразных бараках.

Я вздохнул.

— Ну тогда пускай расскажет, как ловят крокодилов.

Эрнандо быстро заговорил.

— В заповеднике работает несколь-

ко человек, — объяснил переводчик. — Они поочерёдно отправляются в болота и ищут места, где самки крокодилов кладут яйца. Крокодилиха роет ямку, а потом забрасывает её прелыми листьями и ветками. Оттого, что листья гниют, в ямке всегда тепло. Найдя такую кучу, Эрнандо разгребаёт её, забирает яйца и приносит сюда, в заповедник. Здесь крокодилы яйца помещают в инкубатор, и там вылупливаются крокодилята. Их выращивают и пускают в загоны к большим животным. У крокодилов очень дорогая кожа. Из-за неё их и разводят.

— А... а как же ловля сетями? Как же петли? Как вертолёт? — прошептал я.

— Не нужны. Что делать, проще всего ловить крокодилов именно так.

— А нож? — ухватился я за него, как за последнюю надежду.

— Нож ему необходим, чтобы прорубать дорогу в тростнике и в кустах. Эрнандо спрашивает, не хотим ли мы посмотреть, как живут маленькие крокодилята?

КРОКОДИЛЯТА

Эрнандо подвёл нас к длинному, закрытому частой сеткой вольеру, открыл замок и распахнул дверь.

Внутри узкого, с канавой и проточной водой помещения произошло какое-то движение.

Шевельнулся и подвинулся весь чёрный, покрытый бугорками пол.

Я присмотрелся и присвистнул от удивления. Пол был покрыт шевелящейся массой маленьких крокодилчиков. Каждый чуть побольше авторучки. При виде нас крокодилчики дружно кинулись к воде. Самые проворные успели уже нырнуть и притаиться на дне канавы. Один крокодилёнок отстал. Он замер, плотно прижавшись пузочком к полу, подняв вверх острую мордочку и

настороженно глядя на нас. Губы бантиком... Крокодилёнок с минуту смотрел на Эрнандо, который возился с дверью, потом перевёл взгляд на мои ботинки. Должно быть, он принял их за живые существа (я переминался с ноги на ногу).

Крокодилёнок вздрогнул и стремглав бросился догонять товарищей. Не рассчитав, он промчался по их спинам и — шлёп! — плюхнулся в воду.

Мы вышли из вольера, и Эрнандо запер его.

«ПРО-ЧАЙ-ТЕ!»

Наступил день отъезда. Мы в последний раз отправились бродить по заповеднику.

Около загородки стояла знакомая повозка. Возница и Эрнандо опутывали верёвками что-то большое, тёмное, лежащее пластом в кузове. Мы подошли поближе. В повозке лежал спелёнатый, похожий на огромную чёрную колоду крокодил. Морда его была перевязана, лапы притянуты к телу, хвост прикручен к доске.

— Куда это вы его, Эрнандо? — спросил я.

— Зоо! — ответил Эрнандо и махнул рукой в ту сторону, где за болотами и лесом был город.

«Ага, отправляют в зоопарк!»

Эрнандо похлопал себя по голенищу, ему нужно было обрезать верёвку, — ножа не было.

Он подошёл к ограде. Нож валялся в грязи в нескольких шагах от загородки, должно быть, выпал, когда ловили крокодила.

Эрнандо перелез через заборчик и пошёл к ножу. Сапоги его чавкали по болотной жиже — чвик! чвик! Крокодилы, которых он задевал по пути, лениво отодвигались, а те, что поживее, отходили в сторону. Эрнандо поднял нож, сунул его за голенище и так же спокойно побрёл назад.

— Прощайте, Эрнандо! — сказал я.

На дороге уже раздавались призывные гудки нашей автомашины.

Мы протянули друг другу руки. Эрнандо стоял по ту сторону загородки, я по эту. Рука охотника была жёсткой, с узловатыми пальцами.

— Про-чай-те! — сказал он и засмеялся. Он первый раз в жизни говорил не по-испански. У него были весёлые добрые глаза, у этого охотника за крокодилами.

СОБАКА ЧАБАНА

Каюм ТАНГРЫКУЛИЕВ

Рис. В. КОЛТУНОВА

Помощник чабана ушёл в селение за свежими лепёшками, остался чабан один. Ему в пустыне не страшно. Дорогу с закрытыми глазами найдёт, волки нападут — есть ружьё и верная собака.

Оперся чабан на посох, задумался. Вдруг смотрит, над большими барханами дымок, словно кто-то трубку закурил. Если барханы закурились, жди бури.

Погнал чабан овец в низину. В низине ветер потише. Собака вокруг отары бегает, овец в кучу сбивает. Если овцы испугаются, побегут, их тогда не остановишь и не соберёшь.

В бурю овцы голову к земле и бредут, куда их ветер гонит, а гордый верблюд, наоборот, идёт на ветер грудью.

Гудит ветер, от пыли темно, не видно солнца, в двух шагах ничего не видно.

Завернулся чабан в бурку, лёг возле отары, а буря всё сильнее. Гром загремел. Вскочили овцы и побежали. Бросился чабан следом — ветер с ног сбил. Песок в глаза лезет, в нос, в уши, на зубах скрипит. Тьма как в погребке. Решил чабан переждать бурю.

Под утро ветер затих. Выбрался чабан из-под песчаного холмика, осмотрелся — ни овец, ни собаки, и следов нет, ветер унёс.

Поискал, поискал — колокольчик нашёл. Такой колокольчик вожак отары носит, козёл. Его Серке называют. Потерял колокольчик Серке — беда. Колокольчик да-

леко слышно, а как теперь
искать? Все барханы не обе-
гаешь.

Поспешил чабан в селение,
поднял людей. Четыре дня
искали отару, на пятый на-
шли. И где? За пятьсот ки-
лометров от пастбища.

Паслись овцы возле старо-
го заброшенного колодца, и
с ними была собака.

Пересчитали овец — все це-
лы. Спасибо собаке! Пять
дней голод и жажду терпела,
а овец не бросила, чабана
ждала.

Перевёл с туркменского В. БАХРЕВСКИЙ

Молотый тонкий

Станьте на колени, сядьте на пятки, вдохните так, чтобы живот стал круглым, как арбуз.

Слегка прогнитесь при этом в пояснице.

Задержите дыхание на 4—5 секунд, затем выдохните и втяните живот. Вы сразу похудеете.

Сделайте это упражнение несколько раз.

Кадитса

Идите на коленях. Кто быстрее? Только не касайтесь пола руками и старайтесь не упасть. Забавное соревнование!

БЕГАЙ, ПОЛЗАЙ, ПРЫГАЙ

Станьте, слегка расставив ноги, и поднимите левую руку вперёд, а правую отведите назад. Затем правой рукой сделайте сильный взмах, словно метаете диск.

Взмах надо сделать так сильно, чтобы описать поворот вокруг собственной оси, но не упасть и не сойти с места. А лучше всего начертите круг и не выходите из него.

Дискабол

Рыба

Лягте на пол, руки вытяните вперёд, ноги сожмите вместе и выпрямите. Поднимите руки и грудь вверх, а затем вернитесь в прежнее положение. После этого взмахните как можно выше ногами и начинайте перекачиваться от головы к ногам и обратно, словно выпрыгнувшая из воды рыба.

Калемдас

Перекач и

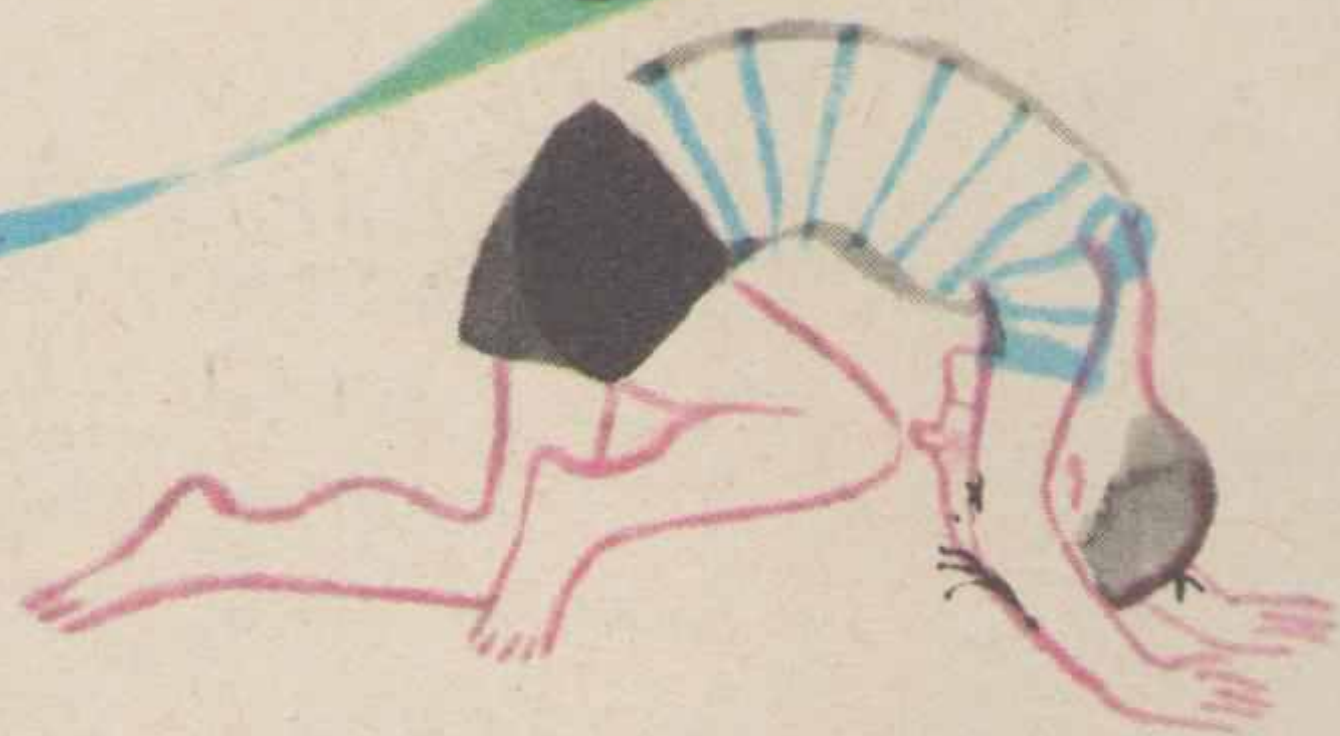

Лягте на спину, согните колени и обхватите их руками. Затем подтяните колени к груди, перекатитесь назад, а потом вперёд и вскочите на ноги.

Подвешенный

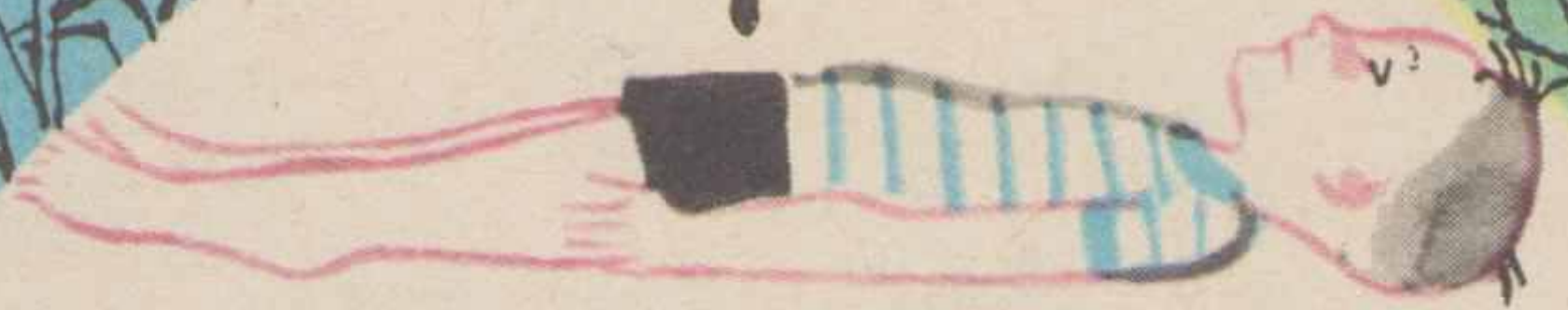
Рис. В. Терцова

Щенок

Ходите на четвереньках, как это делают щенки. При каждом шаге подтягивайте вперёд колено, стараясь коснуться им носа. Будьте осторожны, не упадите!

Сервиз

Лягте на спину, руки плотно прижмите к телу, ноги сдвиньте и вытяните. А теперь на ягодцах, спине и плечах постарайтесь продвинуться вперёд.

Подпрыгивающая обезьянка

Низко приседайте и подскакивайте, убирая под себя обе ноги, как маленькая обезьянка, которая чему-то рада.

Игра с шариками и кольцами

Сядьте на пол, разложите перед собой в линию десять колец. Перед кольцами положите по шарiku. Опустите шарики в кольца поочередно: пять пальцами правой ноги, пять — левой. Затем выньте шарики руками и положите их перед кольцами. Потом возьмите кольца пальцами ног и опустите их на шарики.

А теперь шарики из колец попробуйте вынуть не руками, а пальцами ног.

Лев
Кузьмин

Про дурака

Из русских
народных
сказок

Шёл да брёл себе дурак
Через мост, через овраг.

Глядь, под ёлкой у дороги
Спит зайчишка длинноногий.

И дурак заулыбался,
И притих, и размечтался:

«Кабы я стоял на рынке,
А косой сидел в корзинке,
То глазастого зверюшку
Я сменял бы на индюшку,
А индюшку на козлёнка,
А козлёнка на телёнка,
А телёнка на быка,
А быка — на рысака!

Ну а если есть рысак,
Что стоять без дела, так?

Надо кинуться в седло,
Проскакать через село,
Свистнуть братьям:
— Эй, проснитесь!
Стричься-бриться торопитесь!
Ставьте мёд! Месите тесто!
Я поехал за невестой!

За невестой не простой,
А в шубейке золотой...
На царевну, братцы, мечу!
Полно спать —
готовьте встречу!»

И дурак на самом деле
Второпях да сгоряча
Свистнул так, что из-под ели
Заяц задал стрекача!

Прямо в чащу, прямо в лес
Он удрал и там исчез.

— Охо-хо! — сказал дурак. —
Был почти в руках рысак,
Да не так я дело начал,
Оттого и неудача...

Надо было за невестой
Ехать тихо, не спеша,
В тарантасике двухместном,
Чуть колёсами шурша.

Надо было трогать с места
Не галопом, а шажком...
Ну да ладно!
До царевны
Дошагаю и пешком!

рис.
Виктора
Пивоварова.

А. СЕДУГИН

ЭТОТ ЛУК Я ПОПРОБУЮ

Мама принесла из мага-
зина связку лука и повесила
на гвоздик.

Мишка всё смотрел на
лук. Луковки были золоти-
стые, крепенькие, одна к од-
ной. А если потрогаешь
связку, луковки так весело
шуршат.

Мишка сказал:

— Этот лук я попробую.

Мама сказала:

— Да ведь горький он.

— Я только попробую.

Мама улыбнулась и дала
Мишке маленькую луковку.

Мишка откусил от луков-

ЖУРНАЛ ИЗДАЁТСЯ
С МАЯ 1924 ГОДА

Редактор
А. Митяев

Редколлегия:

З. Александрова,
С. Алексеев,
А. Барто,
Л. Воронкова,
А. Ермолаев,
Н. Емельянова,
Е. Ершова
(зам. редактора),
Ю. Казанов,
М. Коршунов,
Ю. Молоканов,
К. Орлова
(ответственный
секретарь),
Е. Рачёв,
Н. Чеснокова,
В. Чижинов.

Художественный
редактор
Г. Макавеева

Технический
редактор
В. Агеева

Сдано в набор
13/VI 1973 г.
Подписано к печати
28/VI 1973 г.
Формат 84×108^{1/16}.
Печ. л. 2 (усл. 3,36).
Уч.-изд. л. 4.
Тираж 5 600 000 экз.
Цена 10 коп.
Заказ 932.

Адрес редакции,
издательства
и типографии
ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»:
103030, Москва,
А-30, Суцёвская, 21.
Телефон 250-45-08.

„Праздничный
салют
в Москве“.
Рисунок
на обложке
В. ДУВИДОВА

ки кусочек, смотрит на ма-
му и посмеивается.

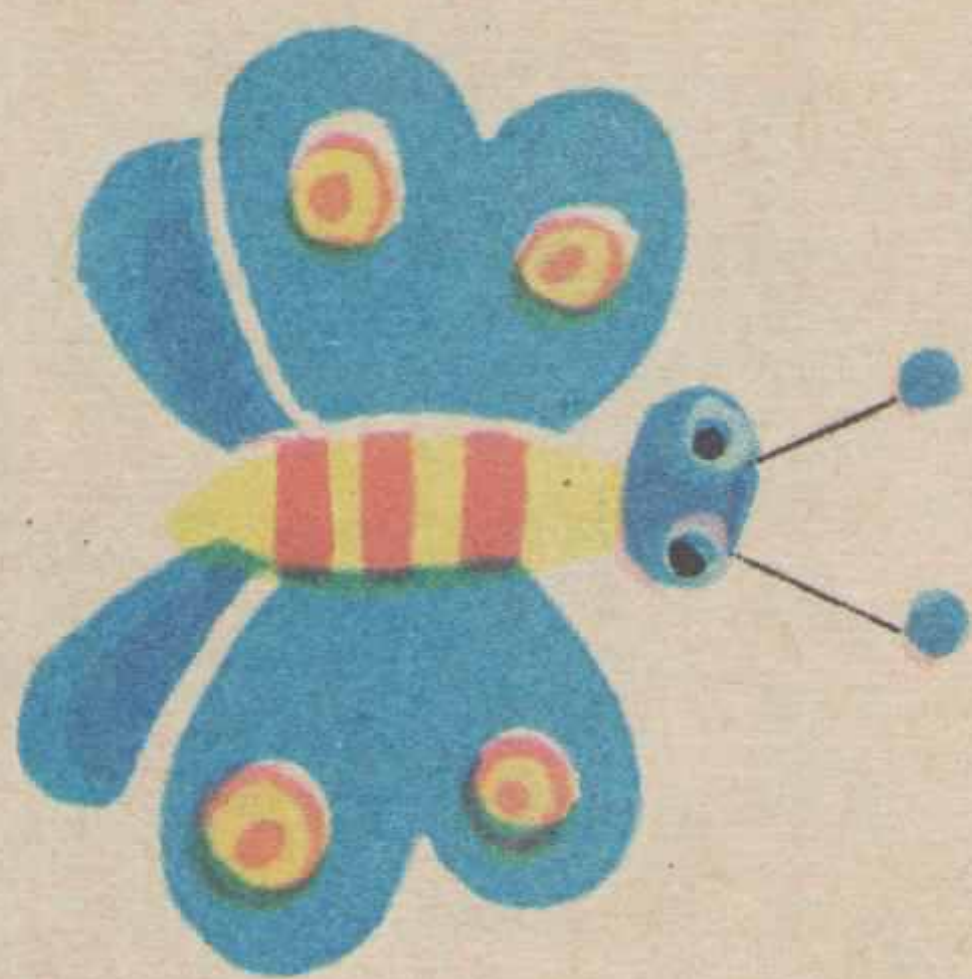
И вдруг Мишка выплюнул
лук. А слёзы из глаз так и
брызнули. И во рту дерёт,
щиплет.

Пожалела мама Мишку и
дала ему скорей кружку хо-
лодной воды.

— Горе ты моё луковое, —
сказала мама.

Мишка поморщился и
сказал:

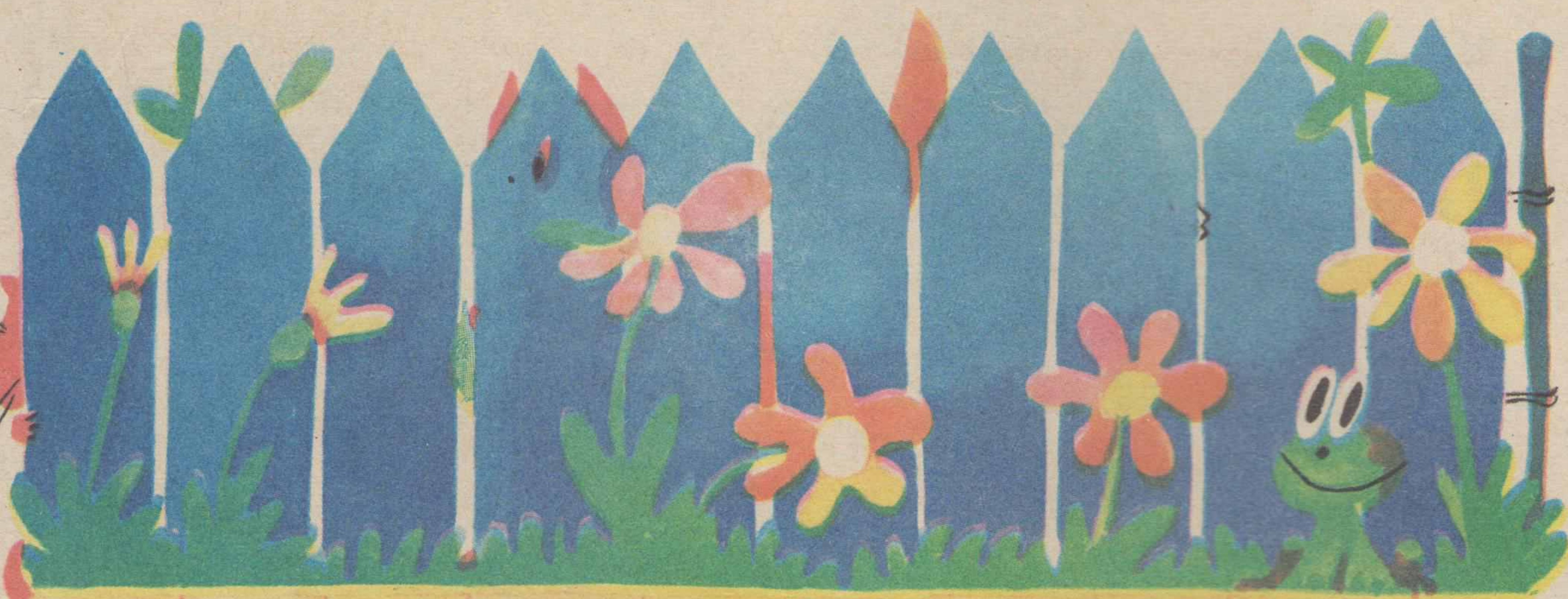
— И правда, лук горький.
Такой уж человек Мишка.
Он всё должен попробовать.
Сам!

КТО ПРЯЧЕТСЯ ЗА ЗАБОРОМ?

Курица и петух встревожены:
кто-то спрятался за забором.
Может быть, это враг, и он
угрожает цыплятам?

Если вы правильно пере-
ставите буквы, пройдя по крас-
ным дорожкам, то узнаете, кто
там находится.

О К т л а и с и